

Опасные
удовольствия

ОКСАНА ОБУХОВА

ПЛЮШЕВЫЙ ПО РАКУЛ

Оксана Николаевна Обухова

Плюшевый оракул

Серия «Опасные удовольствия»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65653062
Плюшевый оракул. Повесть: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09490-2*

Аннотация

Вероника – высокочеловеческий кондитер – обожает свою работу, а еще она любит гадать на картах. К этому своему увлечению она относится скептически и называет себя плюшевым, то есть игрушечным, оракулом. Жизнь молодой женщины протекала спокойно и приятно, пока во время детского праздника в поместье олигарха из его личного сейфа не пропала коллекция драгоценностей, и самый дорогой в ней экспонат – редкостный розовый бриллиант «Поцелуй сильфиды». Вероника, готовящая десерты, все время была на виду и полагала, что ее непричастность к дерзкому похищению очевидна. Но события стали развиваться по невероятному и непредсказуемому сценарию, убиты две женщины. Ника оказалась втянута в расследование, а главное, ей угрожает серьезная опасность...

Оксана Николаевна Обухова Плюшевый оракул *Повесть*

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

* * *

В невесомо нежном детстве Вероника Полумятова не понимала, почему соседка Лорхен обзывает ее квартиру «куцехвостой». Пыталась найти связь с какой-нибудь несчастной

бесхвостой собакой... Сегодня, размещая противень в духовке и проявляя чудеса эквилибристики, Ника припомнила обидное название и согласилась: да, кухня у нее, действительно, куца. Особенно если учитывать остальное «тельце» квартиры, с двумя достаточно «упитанными» комнатами и оглушительных размеров кладовой. (Куда язвительная Лорхен, кстати, советовала выкладывать на раскладушки нагрывших из провинции родственников. Две там вполне встанут.)

Но дело это прошлое. Для выпечки-просушки меренги, предназначенной для завтрашнего «Итонского беспорядка», широкого пространства и не нужно: шустрый миксер взбил безе, руки машинально и бездумно разровняли лопаткой пышную пену по пергаменту на противне... Но вот дальше нужно было хоть чуть-чуть сосредоточиться. И выполнить изящный разворот, чтоб запихнуть элемент «беспорядка» в разверстый зев электрической печи.

Не получилось. Элегантно и изящно. Разворачиваясь по маршруту «стол-духовка», витающая в мимолетных думах Ника задела локтем угол холодильника, и пергамент, увлекая за собой размазанное по нему безе, едва не соскользнул на пол.

Оп-па! Исполнив прямо-таки цирковой трюк, эквилибристика-кулинар успела извернуться, всем махом приложившись поясницей об угол тумбы, – и поймала лист со сползшей набок белковой пеной уже буквально над полом. Пой-

мала противнем, а не тапкой, к счастью.

Изогнувшись, словно уж, Ника осторожно распрямилась. Критически оглядела пошедшую складками и уже не такую равномерную массу. Но таки похвалила себя за ловкость – хотя бы пол не нужно будет мыть. Правда, «итонскую» заготовку придется отправить уже не в духовку, а в мусорное ведро.

«Может, завтра на месте ее приготовить?» – расстроено прикинула уставшая Вероника. День сегодня выдался насыщенным, ударным...

Нет. Предусмотрительность и трудолюбие – залог успеха любого бизнеса. Завтрашний заказ – солидный. Клиенты Сальниковы хоть и уже слегка знакомые, но дико привередливые – основатели известного ювелирного дома, – прежде чем приглашать кондитера для анимационного кейтеринга, каждый раз выматывают ей всю душу! «А что вы можете нам предложить еще?.. Перечислите, пожалуйста... Да, нужно что-нибудь простое, вкусное, красивое и обязательно *натуральное*. Ах да, и занимательное для детей».

Естественно, что занимательное! Пока родители гуляют на фуршете и закусывают брют икрой, их дети должны отсидеть возле анимационной станции кондитера хотя бы сорок минут! За то и деньги платят. Торт и крохотные пирожные уже готовы, ждут отправки; развлечение в виде поэтапного приготовления простейшего десерта детально проработано, не раз обкатано в других домах, всегда проходит на ура.

Также стоит отметить, что причудливое название «Итонский беспорядок» интригует подростков из состоятельных семей, прекрасно знающих о существовании Итонского колледжа, и тоже задерживает их у анимационной станции. Ну а малышню совершенно завораживает процесс превращения прозрачной слизи из куриного яйца в воздушную пену...

Короче, плавали, знакомо. Суть «бардака» в том и состоит – произвольно наломать в порционную прозрачную посудину безе, добавить клубники и взбитых сливок; отступая от классического рецепта, малышне желательно предложить разнообразный топинг – орешки, шоколад, цукаты, – дети любят проявлять самостоятельность и украшать десерты цветными фруктовыми кубиками. Современные родители приходят в восторг от натуральности ингредиентов, при виде подкрашенных непонятно чем присыпок дружно морщат нос. Эпоха ЗОЖ, господа, никуда от нее не деться! В процессе приготовления ребятишки прослушают краткий экскурс в историю создания знаменитого английского десерта, попутно похихикают над парой древних и приличных анекдотов из жизни итонских школяров. На сайте Ники есть несколько благодарственных отзывов от мамочек-заказчиц, у которых дети дома смогли сами приготовить тот «бардак». Элементарно и, разумеется, *талантливо*.

В общем, лучше перебдеть. Своенравные малолетние зрители не станут дожидаться, когда меренга испечется, измажутся в клубнике и сливках, топинг под метелку выметут...

А самое противное – потеряют интерес. Пока взбивавшееся на их глазах безе высушивается-выпекается, аниматору нужно доставать домашнюю заготовку и вместе с детьми начинать устраивать непосредственно «бардак».

А потому, заставив себя вспомнить о залоге бизнеса, Вероника трудолюбиво сочинила новую меренгу, поставила ее в печь, включила таймер и отправилась в ванную.

Спустя пятнадцать минут, уже наматывая на мокрые волосы полотенце, услышала трель звонка из прихожей и, на ходу завязывая поясok пушистого банного халата, пошлепала к входной двери. Голова была занята предстоящей «выездной сессией», как Ника называла кейтеринг, и почему-то она даже не подумала глянуть в дверной глазок, полюбопытствовать, кому понадобилась в десять вечера.

Раскрыла дверь... За порогом, опираясь раскоряченной ладонью о косяк, стоял пошатывающийся Ковалев. Сосед по дому. Очень, мягко выражаясь, нетрезвый, если в точности и по сути – в лоскуты. Макс хмуро изучал застывшую в дверном проеме Полумятову в коротком желтом халате и тюбике из сиреневого полотенца, двигал губами и как будто недоумевал, припоминая, зачем он, собственно, сюда пришел. Или, что тоже не исключено, сочинял вступительную речь.

У Полумятовой же, как всегда при встрече с Ковалевым, невольно подвело живот.

Много-много лет назад, когда они еще делили общую дворовую песочницу, Максим действовал на крохотную сосед-

ку, как тормоз на локомотив. В его присутствии маленькая Ника робела до немочи в коленках и безропотно отдавала совочек, формочку, последнюю конфету. Была уверена, что остальные дети его не боятся и так этот странный мальчуган действует исключительно на Веронику Полумятову – трусиху, зайку серую.

Чуть позже, случайно, из той же песочницы, она услышала разговор двух кумушек-соседок с мамой мальчика.

– Эх, Илонка, – вздыхала непомерно толстая Ольга Павловна, отмахиваясь веером от невесомого снаряда тополиного пуха, – ну и фрукт у тебя растет... смерть бабам, одним словом! Глянь, как зыркает. От горшка два вершка, а туда же, глазки-то – шалые!

– Точно-точно, бабья погибель! – авторитетно подтвердила Зинаида Игоревна и сняла с влажной от испарины щеки приятельницы налипшую пушинку.

Соседки не обращали внимания на разинувшую рот внимательно прислушивающуюся девочку. Миловидная тетя Илона оправдывала сына, мол, он не виноват, что уродился с таким разрезом глаз. Не специально это у него выходит – зыркать.

– Ну да, ну да, – солидно соглашались прибитые жарой тетеньки, – из коляски уже эдак... зыркал-то...

Четырехлетняя Вероника перевела взор на солидного семилетнего Максима, гоняющего по скамейке игрушечный автомобильчик и брызгающего слюной при звуке «тр-тр-

тр...», и попыталась осознать, что есть такое «бабья смерть». На самом деле, что ли, он вырастет и будет бабок убивать, старушек то есть?!

Уже вечером Ника опасливо поделилась информацией с мамой. Та, не догадываясь о глубинах детских страхов, рассеянно бросила: «Тети пошутили, Ника. Не слушай взрослых разговоров». Усталой, недавно пришедшей с работы маме оказалось сложно объяснить четырехлетней дочке, в чем конкретно заключается та обсуждаемая «погибель».

Разговор кумушек постепенно забылся, всплыл, лишь когда повзрослевшая Вероника поняла, что начинает ускорять шаг, проходя мимо компании мальчишек, среди которых находился Ковалев. Максим смотрел на нее с задумчивым прищуром, так, словно знал о проходящей мимо девочке нечто постыдное, нескромное, тайное. Убегающая к подъезду Ника пылала щеками, чуть позже, как спасение, припомнила слова тети Илоны: «Да он не виноват, что родился с таким разрезом глаз! Он не специально, просто так получается».

Ага. Отлично получается нагнать мурашек на соседскую девчонку! Макс голову слегка наклонит, сверкнет прищуренными серыми глазами из-под челки, как будто говорит: «А я, голубушка, знаю все-все-все твои секреты».

Когда Вероника услышала, что Ковалев теперь работает в полиции, то аж похлопала в ладоши: «Ну надо же – браво! Нашел свое призвание. Догадался не зарывать талант в землю!» Довольно просто получилось вообразить, как действу-

ет на преступников фирменный взгляд Ковалева. Ему, естественно, никаких излишних методов устрашения применять не нужно. Посидит полчаса напротив подозреваемого, задумчиво зубочистку погрызет, с преступника за это время семь потов сойдет: «Этому оперу уже все обо мне известно!» Ну и расколется, как тот орех.

Сегодняшним вечером взгляд Максима чего-то требовал от Вероники с подведенным животом. Предлагал в чем-то покаяться, чего-то осознать и сразу повиниться. «В чем был и не был виноват...» При встречах с Ковалевым есенинская строчка звучала рефреном.

– Ну что, зараза... – мрачно протянул явившийся сосед, – гадалка недоделанная... Увела у меня Марьяну? Да?!

Вероника онемела, поправила сползший на глаз полотенежный тюрбан. Что еще за новости?! Что он несет, куда она могла его жену увести?!

Ковалев догадался, что выразился туманно и даже двусмысленно, добавил конкретики:

– Чего ты ей там *нагадала*-наплела? А?!

– Я?! – Полумятова выпустила тюрбан и приложила ладони к груди.

По совести сказать, отрекалась она чисто автоматически, на нервах и с испугу. Поскольку, что греха таить, вина была. Но не такая, чтобы...

– Макс, да какая из меня гадалка... – проямлила совестливо. – Так, развлекались... несерьезно...

— А развелась она всерьез, — пригвоздил Максим.

Упираясь мрачным взглядом в переносицу соседки, он отцепил пальцы от косяка, впечатал ладонь в грудину Полумятовой и спиной назад втолкнул ее в прихожую. И сам зашел. Захлопнул дверь.

Вероника, едва не вылетев из шлепанцев-вьетнамок, зажмурилась: ей показалось, что нетрезвый полицейский сейчас ей вмажет!

Но обошлось. Обойдя зажмурившуюся хозяйку, как столб, Ковалев по-свойски двинулся к кухне.

Ника приоткрыла один глаз, скосила его на пыльные мужские башмаки, топающие по безукоризненно чистому паркету, но предлагать поменять ботинки на тапочки не решилась. Себе дороже. О разводе Ковалевых она слышала, но обвинять себя в разладе их семьи не собиралась.

Когда-то перед пацаном с фантастическими шалыми глазами не устояла первая красавица их школы. Разумеется, пока юные супруги Ковалевы усердно грызли гранит университетских наук, в молодой семье была тишь да гладь да развлечение. Чуть позже Максим круто променял цивильный адвокатский промысел на пыльную работу опера. И начало-о-ось... По словам выучившейся на кардиолога Марьяны.

Но где тут, спрашивается, вина соседки Полумятовой? А? Это она, что ли, заставляла старшего лейтенанта Ковалева торчать в каких-то засадах день-деньской и ночи напролет?! Она праздновала с ним успешное закрытие дела... или как

там у них это называется... Она ему наливала?!

Тут надо еще учитывать, что Марьяна осталась совсем прежней. Воспитанной и утонченной. И потому ее тоже сложно в чем-то обвинять. Она – не изменилась, это Максим, по мнению жены, превратился в другого человека. Издерганного, резкого, поменявшего приоритеты и мировоззрение. Забывшего прежних приятелей, заменившего друзей – на таких же жестких оперов с разговорами о грязи, драках, поножовщинах, о каких-то урках и прочих диких типах... Изумительная чуткая Марьяна честно вытерпела три года этих громких разговоров за «рюмкой чая».

...Ника стянула полотенце с головы. Помотала головой, разлепляя влажные сосульки каштановых волос. Хотела поглядеться в зеркало, но принципиально этого не сделала. Не кавалер пришел. Напившийся сосед.

Грозно цокая вьетнамками по паркету, она вошла на кухню и застала Ковалева, беззастенчиво выскребавшего пальцем остатки безе из чаши кухонного комбайна. «Закусывает, – определилась хозяйка и мельком порадовалась, что, отправляясь в душ, забыла замочить посуду. – Кофе ему сделать, что ли? Авось опомнится...»

Но в «куцей» кухне разминуться с немаленьким опером, пожалуй, не получится. Не добраться ей до кофейных принадлежностей, до узкой навесной тумбы возле окна. Хотя идея в целом неплохая.

Ковалев глянул на хозяйку искоса, облизал измазанный

безе палец и бросил:

– Ну? И что ты ей там нагадала? Напророчила...

Сказать по совести, Ковалев пришел сюда, решив легонько придушить поганую советчицу Марьяны. Гадание как таковое – курам на смех. Мелкая соседская дрянь со странностями просто решила ему напакостить; всегда, насколько помнил, была какой-то верткой, скользкой, убегающей. С такими фиг поймешь, что в голове. Тихоня с целым омутом чертей.

Прибить ее хотелось очень-очень. Правда. Но вот увидев на пороге худосочную девчонку в пушистом халатике цыплячьего цвета, торчащими из-под короткого подола тощими ножками и дурацким полотенцем на башке, Ковалев прилично растерялся. Хватать за горло этого цыпленка?.. Смешно. Пускай живет, зараза.

Вероника, не подозревая, что избежала скорбной участи, так как в глазах соседа выглядит невероятно жалкой, скрестила руки на груди и приняла гордую защитную позу.

– Давай, Максим, договоримся сразу, – произнесла сорвавшимся фальцетом. Прокашлялась. Продолжила сурово: – Я – не гадалка. В картах ни черта не понимаю. Честно.

Брови недоумевающего Ковалева уползли под челку. Челка – единственное, что осталось от прежнего Максима, да и та теперь казалась какой-то припыленной, тусклой.

– Да ладно, – чистосердечно удивился опер. – А чего тогда лезешь?

– Куда? – попросила уточнить зараза.

– В чужую семью, б...! – взревел Максим, мгновенно вспомнивший сегодняшнее унижение.

Четыре часа назад, приняв для храбрости на грудь (возможно, многовато, признавал), он пришел к дому, где теперь жила *его* жена. Подгадал к моменту, когда Марьяна должна возвращаться с работы, сел на железную рейку ограждения придомовой территории. Нашарил сигареты в нагрудном кармане джинсовой куртки... и уронил пачку, когда руки дрогнули при виде появившейся жены. Красивой и желанной до умопомрачения! Стройные коленки раскидывают в стороны полы бежевого плаща, глаза спрятались от неяркого сентябрьского солнца за большими дымчатыми очками, закатные лучи запутались в ее светлых волосах и сделали их чуть рыжеватыми. Фея. Осенняя сказочная пери...

Марьяна увидела бывшего мужа, наклонившегося за сигаретной пачкой и неловко цепляющегося за рейку, на лицо ее легла брезгливая гримаса... И сказка превратилась в быль.

Неловко получилось. Ковалев рассчитывал предстать перед женой с расправленной спиной, эдаким нестигаемым гусаром. А вышло – чтобы не упасть, цепляется за железяку и словно кланяется. Госпоже своей.

Марьяна неторопливо подошла к распрямившемуся бывшему, переместила коричневую сумочку вперед и взялась за нее обеими руками.словно загородилась. Дернула верхней губой, будто унюхала какой-то новый аромат от хорошо зна-

когого подвыпившего мужа, и проговорила менторским тоном:

– Ничего не меняется, да?.. Ну надо же... Полумятова, оказывается, была права, сбывается все, как по писаному.

Откуда в завязывающемся диалоге бывших супругов смогла возникнуть некая Полумятова – их тощая соседка, что ли?! – Максим, убей, не понимал.

– Полумятова – что? – попросил уточнить.

– Вероника оказалась права. На удивление. – Марьяна приподняла вверх аккуратные подщипанные брови и покрутила головой. – Видишь ли, я... только не смейся, попросила ее погадать, раскинуть карты на тебя и на Олега – никак не могла решиться уйти...

– С ума сошла?! – перебил Максим.

Раньше за женой не замечалось тяги к эзотерике. Марьяна – сплошь здравомыслие и образцовый рационализм. «А может быть, тут собака порылась? – Ковалев, прикидывая, привычно „включил“ опера. – Этот ферт Олежка подослал к моей жене гадалку, та Марьяне мозги заплела...»

– И что там получилось? – криво усмехнулся. Откуда-то надо взять отправную точку, чтобы разобраться в нереальной истории с гаданием!

– Тебе выпали пьянство и неприятности на работе. Ему... – Марьяна не договорила, туманно улыбнулась и повела плечом.

– ...Полный шоколад, как понимаю, – пробубнил Максим.

– Правильно понимаешь. И как видишь, все сбылось. – Продолжая улыбаться, супруга подвела черту: – Не приходи сюда больше, Максим. Никогда. Пожалуйста.

Еще недавно *его* красавица повернулась и пошла мимо клумбы с фиолетовыми астрами. Ковалев, чувствуя себя оплеванным, остался в чужом дворе, заполненном криками расшалившейся детворы, глядя в расправленную нестигаемую спину чужой любимой женщины.

По пути в свою опустевшую замусоренную квартиру он спустился в знакомое питейное подземелье. Где, хмуро тиская ладонью очередную согревающуюся рюмку с водкой, постарался вспомнить змею-соседку с гадкой фамилией Полумятова. Кажется, пацаны прозвали ее Метлой. Кажется, она училась на пару лет младше в их школе. Живет на третьем этаже, в соседнем подъезде.

Дрянь!

Оперативник с университетским дипломом усердно задушевывал «оплеванные» воспоминания, используя известный прием – сублимацию. Сознательно перенаправлял гнев на тощую гадалку, притворявшуюся скромницей: «Змеища драная! Пойти и придушить!..» Маленько.

Но, выйдя из бара и доковыляв до нужного подъезда, нерешительно заколыхался возле двери. Догадывался, что может и не удержать в узде накопленную ярость. Змея разрушила его налаженную жизнь, и придушить ее он способен

вовсе не маленько и совсем не фигурально. Капитану Ковалеву приходилось выезжать на криминальные трупы, где убийцы уверяли: «Да я ведь только поговорить пришел! В харю плюнуть, в бесстыжие очи! А как все дальше получилось... пес поймет».

Максим, глубокомысленно поколыхавшись, решил перенести визит на другое время – в бесстыжие глаза таки хотелось плюнуть, – развернулся, но дверь подъезда неожиданно распахнулась и выпустила на улицу пенсионера Завьялова с кудрявой беспородной псинкой.

Судьба, однако. Магнитного ключа от этого подъезда у Ковалева не было, звонить приятелю из тутошней квартиры не хотелось, и вдруг – Николай Николаевич на вечерний променад-с. Макс хмуро поздоровался с собачником, проскользнул в дом; вместе с подъемом на третий этаж в груди принялось подниматься притушенное было бешенство.

«Хоть раз – но точно плюну!»

И снова повезло. Дверь открыло нелепое создание с полотенцем, сползающим на глаз, тощими ногами под желтым, как цыплячий пух, халатом, совершенно детским умытым лицом без грамма косметики... И ситуация внезапно стала отдавать комизмом. Ковалев как будто увидел себя со стороны: он, огромный на фоне вредоносного цыпленка, плюется и тиранит мелочь с перепуганной мордашкой?.. Гадалка, блин! Ворожея недоделанная.

Хотя поговорить хотелось тем не менее. О бывшей и лю-

бимой, понять, чего-то там переклинило в ее мозгах. Да и проникновенный градус-стадия «ты меня уважаешь?» давал о себе знать. Хотелось разговора, хоть ты тресни! Не с коллегами же бросившую бабу обсуждать. Таким порядком можно реально докатиться до запоя.

...Ковалев стер пальцем остатки сладкой белой массы с венчика блендера, вздохнул. И ловким движением щиколотки выдернул из-под стола табуретку. Уселся, как бы продемонстрировал – он здесь надолго и без ответов не уйдет.

– Ну? Что ты ей наговорила? – повторил, разглядывая свои стиснутые кулаки, положенные на сверкающий чистой белоснежный стол.

– Ничего особенного. – Цыпленок вяло пожала плечиками и поправила на груди халатик.

– Что я сопьюсь? Меня уволят? – вбивал вопросы Ковалев. – Что?!

– А тебя уволили? – оживилась, заинтересовалась цыпа подколотная.

– Нет. – Капитан перестал таращиться на кулаки и перевел прищуренные глаза на гадалку. – А ты ей это напророчила? Типа меня уволят, понизят в звании, объявят выговор... Что ты ей наплела?!

– Тебе выпало – пьянство, – пригвоздила Полумятова, начиная-таки давать признательные показания, – и неприятности на работе. Но ведь это так, да? Ты пьешь...

– Из-за тебя! Из-за нее!!!

– Слушай... – Вероника замялась, выдвинула из-под стола второй табурет, села через угол от оперативника и быстро зашептала: – Максим, я тебе уже говорила, что гадалка я – никакая, плюшевая...

– Плюшевая? В смысле?

– Ну – игрушечная, несерьезная. – Ника говорила тихо-тихо, пыталась навязать прилично разозленному соседу негромкую и доверительную манеру. – Ко мне приходят подруги, мы болтаем, чай пьем, а карты... это так, забава. Связка для разговора.

– Забава, говоришь? – Максим вспомнил слова жены о том, что пророчества цыпленка продолжают сбываться.

Ника, видимо о чем-то догадавшись, смущенно улыбнулась:

– Макс, я не понимаю, почему карты со мной «разговаривают». Правда. Я и значения-то их не знаю толком. Просто вижу что-то и говорю.

– Но все почему-то сбывается, – задумчиво буркнул Ковалев, откинулся назад и прижался спиной к кухонной тумбе, расположенной чуть ли не впритык к столу. – А *ему* что нагадала? – спросил и тут же мысленно плюнул: докатился, твою мать, заинтригован предсказаниями «игрушечной» ворожеи! Которая – не соврала – сама себя всерьез не принимает.

Цыпленок виновато потупилась и шмыгнула носом. «Простудится, – почему-то подумал Ковалев, – голова мок-

рая». Он шел сюда устраивать разборки, но внезапно ощутил пренебрежительную жалость к девчонке с тощей шеей и покрасневшим кончиком носа.

– Прости меня, Максим, – пролепетала та. – Но я не имею права врать, когда гадаю. Я мало понимаю в картах, но точно знаю, – Вероника подняла голову и прямо поглядела на оперативника, – чувствую, вернее: совру хоть раз, и карты перестанут мне доверять, не станут «разговаривать».

– А это так важно для тебя? Карты?

– А откуда нам знать, что важно, а что нет?

Утихомирившийся было Ковалев внезапно разозлился заново: пророчица сопливая! Сидит, о важностях бытия толкует. Идиотка малохольная!

И на вопрос не отвечает. Не хочет говорить, что напроорочила Марьянинуму бизнесмену.

Хотя и так понятно. Бизнес – в шоколаде, мент – в... похожем по цвету жидком дерьме.

Капитан усмехнулся. Зачем пришел? Чего хотел? Марьяна уже все сказала.

Он приложил ладони к лицу, устало помассировал глаза кончиками пальцев. Зевнул.

Вероника, неожиданно для себя, вытянула шею, чтобы присмотреться к его отнятым от лица пальцам. Когда-то давным-давно девчонки пошучивали, что Ковалев глаза подводит. Ну не могут, пусть даже темные и густые, ресницы так очерчивать его рысьи глаза! Небось, и вправду маминым ка-

рандашом для глаз балуется.

Пальцы нечаянного гостя остались чистыми... Тьфу, какая глупость лезет в голову! Полицейский с крашеными ресницами! Еще три раза – тьфу!

Смущенная собственными мыслями, Вероника заерзала по табурету. Ковалев перевел на нее расфокусированный незрячий взгляд и вздрогнул, когда за спиной тихонько звякнул кухонный таймер.

– Меренга приготовилась, – тихонько пояснила Полумятова. – Завтра на кейтеринг.

Объяснения прозвучали тарабарщиной для опера: меренга, кейтеринг... Чем она живет?! В халате цыплячьего цвета... Нелепость какая-то.

Хотя благодаря нелепости всего происходящего от сердца отлегло. Сублимация, не иначе. Доля абсурда зачастую оказывается полезной.

– Пойду я. – Ковалев шумно встал с табурета, подождал, пока хозяйка тоже поднимется и позволит ему протиснуться на выход из микроскопической кухни.

Уже на пороге квартиры Максим притормозил и, сверху вниз разглядывая худенькую девчонку, произнес:

– А если б ты ей не нагадала... ну... про мои как бы неприятности, она бы не ушла?

Девчонка честно задумалась. Потом мотнула головой, раскидывая влажные волосы.

– Ушла бы все равно. Прости. Люди приходят не за сове-

тами от карт, они уже давно и сами все решили... как правило.

– Ты только инструмент, – вздохнул оперативник.

– Я собеседник! – горячо уверила гадалка и вновь прижала тонкие ладошки к тщедушной цыплячьей груди. – Я и карты! Люди обожают разговоры о себе, но не всегда найдется повод и внимательные уши. Или храбрость... А тут, Макс, я – готова битый час кого-то слушать. – Гадалка в желтом плюше невесело усмехнулась. – Хороший собеседник – редкость. Сам, наверное, знаешь. И далеко не всем везет найти такого. Ну а с гадалкой, как с врачом, все откровенно, все наружу. Иначе зачем все это в принципе затевать, да?

Действительно.

– И тебе надо кого-то битый час слушать? Собеседница... Вероника слабо дернула плечом.

– Самое интересное в этом мире – люди. – Внимательно поглядела на оперативника. – С тобой часто откровенничают?

«Каждый день. В основном по принуждению. – Ковалев мысленно хмыкнул. – Хотя...»

– Безмятежных снов, – кивнул и вышел за порог.

Вероника молчаливо приняла его язвительность, закрыла дверь и пробормотала:

– Давать советы всегда глупо, давать хорошие советы просто губительно... Оскар Уайльд, ребята. Классик.

«Выездная сессия» прошла на славу. Воспитанные, обласканные дети вели себя примерно, никто не вредничал, не перетягивал внимание, как одеяло, на себя. Все с увлечением и выдумкой облепляли топингом взбитые сливки в изящных креманках. Никто, что очень важно, существенно не перемазался. Художественно оформленным «беспорядком» дети угостили и родителей. Вероника в таких случаях всегда вспоминала присказку Лорхен: «Богатые в третьем поколении – уже приличные люди. Дети еще видели, *как* богатели их родители, внукам повезло вырасти уже в условиях оранжереи».

Веронике даже выделили неожиданную премию, а несколько довольных мамочек попросили ее визитки...

Красота!

Добравшись до дому, чувствуя легкую приятную усталость, Вероника выдернула из багажника автомобиля клетчатую сумку-челночницу с выездным поварским набором. Тяжелую, заполненную всякой всячиной, которая может понадобиться приглашенному кондитеру на чужой кухне. (Оправдания: «Ой, простите, у меня одного прикамбаса не хватает, я думала, это есть в каждом доме» – не катят.) Подпихивая клеенчатый бок коленом, она поволокла сумку к подъезду, чуть не забыв поставить на сигнализацию «фольксваген-жук» задиристого канареечного цвета.

Возле подъезда Вероника столкнулась с Николаем Николаевичем, галантно придерживавшим дверь перед соседкой с

внушительным багажом. Николаевич вежливо поинтересовался, как поживают ее родители, мол, что-то давно не навещались в Москву. Ника отчиталась: «С мамой-папой все в порядке, облагораживают грядки и благоденствуют на даче...»

Неторопливо поднимаясь по лестнице и разговаривая с соседом, Вероника попутно составляла в мыслях распорядок предстоящих действий: разобрать сумку, что-то еще раз перемыть, поварскую униформу – в стирку. И нужно обязательно разобрать орехи, которые дети перемешали с цукатами... «Или выбросить их на фиг? Несколько горстей всего...»

Она была почти дома, когда ее планы внезапно поменялись. В поясной сумке запиликал телефон, Вероника ответила незнакомому абоненту, поговорила, а после закрутилась как веретено! Ей поступил срочный заказ, повторявший в точности меню сегодняшнего кейтеринга. К счастью, только его анимационную часть, поскольку приготовить пирожные и торт она, при всем желании, никак не успевала.

Но заказчик, представившийся Алексеем, уверил, что основные сладости давно заказаны и привезены, идея пригласить кондитера-аниматора, правда, появилась в последний момент, и это будет сюрпризом. Сейчас Алексей увозит толпу детишек в парк покататься на аттракционах, а когда все вернутся... на кухне будет ждать веселый повар. Да?

Конечно. Вероника обговорила детали и условия, прики-

нула маршрут до загородного дома заказчика, приплюсовала к графику чудовищные московские пробки... вроде бы должна успеть.

– Вы только свою машину сразу во двор загоните, – попросил Алексей. – Мы вернемся на «пати бас», а такому автобусу будет тяжело развернуться, улица у нас узкая.

– Да никаких проблем, – жизнерадостно согласилась Ника. За внеплановый заказ по двойному тарифу она и «пати бас» туда же заведет.

– Спасибо. Ворота будут незаперты, загоняйте машину смело, наш приятель будет ждать вас в доме. Еще раз спасибо! Вы нас очень выручили!

Вероника отперла входную дверь и ворвалась в квартиру деятельным ураганом. Закрутилась воронкой, разбрасывая туфли, скидывая джинсовый жилет...

Через пяток минут полностью была готова к очередной кулинарной битве. Раскрыла дверь, собираясь мухой пролететь с «челночницей» до первого этажа...

Не получилось. На коврик перед дверью, вывернув из-за угла от лестницы, прыгнула растрепанная Светка Николаева в расхристанном халате. Схватила Нику за запястье и утянула за собой в прихожую. Аккуратно прикрыла дверь и приложила палец к губам – тихо, Ника, тихо!

Особого недоумения поступок Светика не вызвал, так как в подъезде уже раздавался топот ног ее супруга-сантехника. И грозный вопль:

– Стоять, уродка! Догоню – убью!

Звук шагов скатился к первому этажу, через секунду вопли стали доноситься со двора. Левая сторона лица Светланы раздувалась прямо на глазах, верхнее и нижнее веки сливались в щелку и, наливаясь, пламенели. Досталось бедолаге, по всей видимости, крепко.

– Опять? – сочувственно шепнула Полумятова.

– Бузит, – кивнула Николаева и облизнула губы, бдительно прислушиваясь.

Практически каждый уик-энд чета соседей с пятого этажа сходилась в рукопашной. Порой в их схватку вступала све-кровь, тетя Зина. Мягко сказать, чрезвычайно решительная женщина. И тогда Светке приходилось туго, и методов она не выбирала – могла сковородкой родственников разогнать.

Но Вероника забияку Светку все-таки жалела. Как исключительное большинство соседей, они учились в одной школе, знали друг друга с детства. Несколько раз Ника принимала побитую Светлану у себя, отпаивала ее чаем и выслушивала.

– Я у тебя немного отсижусь, а, Ничка?

– Давай-ка лучше я тебя до травматологии подброшу. Снимешь побои, напишешь заявление... Может, пусть его посадят? Хотя бы пятнадцать суток отдохнешь...

– Ага! А его мамка?! Зинка ж меня со свету сживет! Тем более что Витька полтора месяца почти не пил.

– Полтора месяца? Почти? – саркастически хмыкнула Вероника. – Хвали его, хвали... Добавь еще, что он сантехник

– золотые руки... Допрыгаешься, Света!

Единственный открытый глаз Светланы блеснул неунывающе. Соседка вслушивалась в вопли, распугавшие закаркавших ворон на тополях.

– Не привыкать, – оптимистично заявила побитая жена сантехника и поправила почти оторванный рукав синтетического халатика. – Я побуду у тебя немного, ладно? Он через пару часов утомонится и уснет, я его знаю.

– Ладно. Я тебя запру, запасные ключи, ты знаешь, в тумбочке под зеркалом.

– Да не, я лучше тебя дождусь. Вернешься, чайку попьем... У тебя какие-нибудь печенюшки есть?

– Конечно, – улыбнулась Ника. В холодильнике обычно оставались какие-то «забракованные» педантичным кулинаром сладости, от которых редко кто отказывался. – Ты только Витьке дверь не открывай, пожалуйста.

– Я чё – ненормальная? Он же тут все разгромит! Я даже телевизор включать не буду, чтобы не догадался, где я. Ты не переживай, Ничка, Витька через пяток минут набегается, наорется и пойдет на боковую.

Напрасные надежды. В том, что Николаев еще долго не уснет, Вероника убедилась, когда запикивала «челночницу» в багажник своего «жука». Сантехник в одной тапке резво носился по двору, разыскивая благоверную за мусорными бачками, деревянной горкой и единственным железным гаражом инвалида ВОВ Ивана Павловича. Из-за гаража он,

кстати, выбежал уже и без второй тапки.

Длинная, катастрофически узкая и огороженная канавами с перекинутыми мостками улочка загородного – когда-то дачного – поселка не порадовала вменяемой нумерацией участков. Слегка запутавшись, Вероника, наконец, нашла среди глухих заборов ворота дома номер пятьдесят восемь. Съехала с дороги и отправилась к черной коробочке домофона, прибитого к железному рифленому забору у калитки. Нажала на кнопку. Подождала, прислушиваясь. Не получив отклика, вцепилась пальцами в выемку раздвижных ворот, те послушно поехали в сторону, освобождая доступ на выложенный тротуарной плиткой пятачок.

Как и рекомендовал заказчик, Ника «смело» завела «фольксваген» во двор. Опять подождала и огляделась, порядком удивляясь, что хозяева не потрудились навести порядок перед приемом гостей, подготовиться к детскому празднику. Разумеется, не все вывешивают транспаранты «Хеппи бёсдей!» и грозди надувных шаров, но хотя бы смести с пятачка пожухлые листья и с десятков древних окурков могли бы. Двор выглядел неухоженным, так, будто здесь давно никто не появлялся. Газон, кусты плодовых и декоративных растений заросли густой травой.

«Может, я адресом в кои-то веки ошиблась? – предположила Ника. – Не похоже, что здесь праздник».

Хотя ворота, действительно, были незаперты, как и пре-

дупреждал клиент. А адрес Ника помнила отлично.

Но все же – странно. И где приятель, который должен был встречать кондитера?

В поясной сумке запиликал телефон, Вероника, оглядываясь, достала его, нажала кнопку...

– Простите, извините! – затараторил давешний клиент. – Мой друг не смог вас дожидаться, его срочно вызвали на работу! Он оставил ключи от дома своей маме, если вам не очень трудно, сходите, пожалуйста, к ней! На той же улице, дом номер сорок два, Антонина Николаевна! Ей тяжело ходить, ноги побаливают...

Вероника закатила глаза, мысленно ругнулась, но ответила вполне доброжелательно:

– Конечно, мне не трудно, Алексей. Когда вас ждать?

– О, мы тут еще надолго, веселье в самом разгаре! Не торопитесь.

– Хорошо. До встречи.

Поругивая про себя безалаберного клиента, не удосужившегося убрать территорию и заранее договориться с аниматором, Ника вышла через калитку на улицу. Покрутила головой и потопала налево, высчитывая сорок второй участок.

«Может, Алексей отец-одиночка? Или „воскресный папа“? – подумала. – Весь из себя спонтанный, занятой, привыкший все решать деньгами... Чего заморачиваться, если денег куры не клюют? Водитель клубного автобуса привычно обвесит транспорт поздравлениями и шариками, анима-

торы развеселят детей, а повара накормят. Остается надеяться, что не придется его кухню драить, там уже все отмыла домработница». Вообразив кухню, соответствующую замусоренному двору, Вероника покорила обстоятельствам и придушила шумный вздох: за форс-мажорный вызов ей уже удвоили гонорар, так что овчинка выйдет теплой и пушистой.

Солнце уползало за верхушки деревьев, улица называлась Первая Березовая, но на глаза попалась лишь одна березка, в основном за заборами виднелись практичные вишни-яблони, да на повороте к сороковым домам застрял разлапистый красивый клен. Где, спрашивается, логика?

Вероника добрела до нужного участка, нажала на звонок и приготовилась ждать, пока к калитке дохромает Антонина Николаевна... но сплошная дверца распахнулась тут же. За ней стоял невысокий рыжий подросток, кусающий огромное яркое яблоко, так аппетитно брызгающее соком, что у Вероники подвело живот – толком она сегодня только завтракала.

Увидев незнакомку, мальчишка, не переставая жевать, мотнул головой, изображая «чего надо?».

Полумятова воспитанно произнесла:

– Здравствуйте. Я могу видеть Антонину Николаевну?

Мальчишка пожевал, подумал. И, развернувшись, гаркнул в сторону раскрытой двери недалекого бревенчатого дома:

– Мам! Тут какую-то Антонину Николаевну спрашивают!

На крыльцо, обтирая руки о фартук, вышла крепенькая конопатая женщина. Откинула со лба налипшую кудрявую челку и прищурилась на гостью.

– Антонину Николаевну? – переспросила. – Нет тут таких. А вам какой дом нужен?

– Первая Березовая, сорок два, – монотонно отчиталась Ника.

– Все верно, – кивнула хозяйка. – Но здесь такая не живет. Да и поблизости... – подумала, – тоже ни одной Антонины нет. Вы ошиблись, девушка.

Чувствуя, как в горле возникает ком, Вероника сипло извинилась, развернулась и почти бегом поспешила обратно. Размашисто шагая мимо клена, достала из сумки мобильный телефон и, чертыхаясь, призвала к общению последнего абонента.

Голос приветливой электронной девушки возвестил, что абонент находится вне зоны доступа.

«Что за черт?.. Что происходит?! Меня разыграли?.. Заставили, как дурочку-на-веревочке, тащиться через всю Москву в субботних пробках?!»

Неужели эту маленькую мстю подкинул кто-то из завистливых конкурентов по кондитерскому бизнесу? Но за что?! И почему ей?! Она никому на хвост не наступала, клиентуру не переманивала и не уводила, не пакостила никогда...

Или это просто пранк? Сейчас за ней следит какой-то скудоумный шутник, снимает на мобильный телефон ее про-

бежку, а после выложит в Сети «Смотри, как повар потерял клиента!»?!

Вероника затормозила. Разгневанно оглядела улицу с несколькими пыльными кустами. «Найду, поймаю и прибую!» – пригрозил ее взбешенный взгляд, под который попалась лишь деловито бегущая пятнистая дворняга с высунутым языком. Дернув бубликом хвоста, собака поприветствовала гостью своего поселка и проследовала мимо. Через мгновение кулинару ее обогнала, промчавшись до ворот, за которыми оставила любимый канареечный «фольксваген».

За воротами Веронику поджидало очередное потрясение. Ее верный «жук» стоял с распахнутыми дверцами и багажником. Чья-то злобная рука достала из машины клетчатую сумку и вытряхнула из нее все содержимое. На замусоренные плитки, на окаменевшие от старости окурки, которые, словно в насмешку, присыпал разноцветный праздничный топинг. Блестящий шейкер закатился под заднее колесо, как будто хотел спрятаться под днищем дружественного «жука» от негодяев и воров; на кипенно-белом, накрахмаленном поварском колпаке отпечатался мысок рифленой подошвы явно мужского размера.

Вероника всхлипнула... Через секунду испугалась до смерти! Она в чужом дворе, за глухим забором, а вокруг разросшиеся кусты... с засевшими в них негодьями! Диким прыжком перепуганной лани Ника подскочила к воротам, раздвинула их настежь и, вибрируя каждой перепуганной

жилкой, посмотрела на улицу, в обе стороны.

Пустыня. Ни помощи, ни свидетелей, ни злоумышленников. Только бублик собачьего хвоста мелькает вдалеке. Может, позвонить в полицию? Будет не так страшно.

Не отходя от линии ворот, Вероника еще раз оглядела учиненный разгром. И очень-очень удивилась: ее дорогушие ручные агрегаты были разбросаны, но на первый взгляд ничего не пропало. На колючих ветках неопрятного шиповника повисла ее белоснежная поварская куртка. Фартук улетел чуть дальше, на нестриженный газон.

Загадка. В первый момент Вероника решила, что ее ограбили, толком не разглядывала разгром, лишь порадовалась мельком, что деньги, документы и ключи остались в поясной сумке.

Слегка расслабившись и выдохнув, Ника подошла к машине, присела на корточки и стала суматошно собирать в «челночницу» свои припасы. Обида, злость, усталость потекли по щекам слезами – колючими, слепящими. «За что? За что?! За что?! – стучало в голове. – Ну ладно б, если бы хоть что-то украли! Так нет же, все на месте!...»

Ага. Если б украли, тогда б ты точно в полицию позвонила. Один твой нож сто евро стоит!

Но тогда зачем все это? Просто пакость, что ли?!

Ника протянула руку к колпаку и тут же ее отдернула. Противно! Ей стало мерзко прикасаться к собственным вещам, как будто оскверненным.

Путем нешуточных уговоров она заставила себя отлепить куртку от колючек шиповника, более спокойно собрала с земли раскатившиеся насадки для профессионального блендера – навалом, просто закидала в сумку. Все остальное бросила. Оставила.

Под подошвами кроссовок хрустели орешки и разноцветная присыпка-топинг. Нике приходилось работать на сессиях, где она пробиралась до машины по битому стеклу фужеров и отлепляла от подошвы мишуру и конфетти; однажды она знатно вымазала лакированные боты, пройдя в них по незамеченным в полутьме канапе с черной икрой. Сегодня ей придется отскрести раздавленные детские сладости, сухофрукты и цукаты, а ощущение куда гадливее. Уж лучше битое стекло напополам с икрой, там люди веселились и не рассчитали сил! Здесь... просто злоба. Гадость. Мерзость. След башмака на белоснежной ткани. Скотская насмешка над честным трудом.

Забросив полегчавшую сумку в багажник, Вероника подошла к водительской дверце и уже тут полновесно разрыдалась от отчаяния: переднее колесо фолькса оказалось спущенным. Никаких сомнений – проткнутым той же злобной ручонкой.

Поборов желание таки позвонить в полицию – устала, сил нет на разбирательства и ожидание, – она вновь раскрыла багажник... и не нашла в нем домкрата.

Что за дичь? Ника перевернула содержимое багажника,

два раза доставала сумку из него, нет как нет! Пропал домкрат.

Ярость мигом высушила слезы, кондитер, упершись кулаками в талию, задумчиво поглядела на заросшую разнотравьем полянку у забора... О! Взгляд зацепился за промину в траве. Ника направилась туда и через пару секунд мстительно хохотнула: хоть в чем-то эта сволочь прогадала – бегать по поселку в поисках домкрата ей не потребуется, нашлась пропажа быстро.

Но до дома Вероника добралась лишь к ночи. Бросила у порога оскверненную «челночницу», моральных сил дотрагиваться до вещей, к которым прикасались липкие пальцы негодника, не хватит совершенно точно.

Она достала из серванта мамину коробку с лекарствами. Нашла там валокордин и накапала себе порцию, способную свалить быка. Чтоб никаких воспоминаний и предположений! Ей требуется здоровое снотворное забвение.

Утром забвение дало о себе знать противным привкусом во рту, общим отупением организма, сонная лень-одурь долго отказывалась проходить. И почему-то вспомнился Макс Ковалев, глушивший неприятности спиртным.

В следующий раз накапаю себе коньяку, нелогично решила Полумятова. Транквилизатор – натуральный, в нем главное – знать меру. Рюмашку клюнул, стресс маленько смыл, и баиньки.

А утром кофе. Крепкий, из того же разряда натуральных, но уже дневных транквилизаторов. Дела способны подождать.

Предупреждая появление обильной кофейной пены в турке, Вероника мрачно наблюдала за процессом и пыталась выдавить в свой мозг хоть каплю оптимизма. Вернуться к жизнелюбию и стойкости. Избавиться от застрявшей перед глазами картины – опечаток пыльного ботинка на белоснежном колпаке...

Кофе у нее получился традиционно превосходным, с воспоминаниями сложнее – они никак не захотели исчезать.

– И пес с ним! – громко сказала Вероника. Поставила чашечку на подоконник и, оседлав табурет на манер всадницы, положила подбородок на сложенные на подоконнике руки. Уставилась на облысевшие тополя с черными, пухлыми вороньими гнездами на ветках. Скорбный осенний пейзаж бодрости ей не добавил, на стекла брызнул дождь, и захотелось позвонить маме, пожаловаться и поплакать. А вот фигушки вам. Не дождетесь!

Выхлебав кофе, точно лекарство, Вероника затянула поясок халата и отправилась на подвиги. Хватит себя жалеть, ничего особенного не произошло. Нужно разобрать «челночницу», заняться привычным мытьем и стиркой. Подготовиться к предстоящей завтра анимации в детском садике.

Ника аккуратно вытряхнула вещи из сумки прямо в ванну. Баночки и агрегаты перенесла в кухню и, уже напевая,

направилась за пузырьком с убойным антисептиком в кладовую. Распахнула дверь... навстречу ей ринулся неприятный сладковатый запах, и Вероника снова поморщилась: неужели валокордин все еще болтается в желудке и с выхлопом идет наружу? Фу, какая гадость! Нашарила выключатель на внутренней стене – лампа вспыхнула...

Через мгновение Ника с визгом выскочила из кладовки в коридор! Ударилась спиной о противоположную стену и, чувствуя, как ослабели ноги, сползла вниз и прижала коленки к подбородку, тихо поскуливая и кусая костяшки пальцев, чтобы не заголосить на всю округу.

Напротив, на полу кладовой, лежала мертвая Светлана. Голубоватый свет люминесцентной лампы падал на распухшее лицо покойницы, белок одного, раскрытого и выпученного, глаза был в красных прожилках потрескавшихся капилляров, синяки под светом лампы выглядели черно-фиолетовыми.

Жуть. Веронику затошнило, догадываясь, что не сможет встать, она перевернулась на карачки, постанывая и поскуливая, поползла в спальню за мобильным телефоном. «Мамочки, мамочки, мамочки!!... Что же такое-то, а?!..»

Полицейские приехали так быстро, что Вероника даже удивилась. Ей показалось, что по телефону она говорила не вполне вменяемо и ее слова не приняли всерьез. По совести сказать, она могла и адрес перепутать. Еле-еле вспомнила,

как ее зовут, в первый момент вообще назвалась Светланой.

А вот появление в квартире Ковалева недоумения не вызвало. Увидев знакомое лицо, Вероника дернулась, как будто собираясь припасть к его груди, зарыться заплаканным лицом в его рубашку и дополнительно закрыться полами джинсовой куртки!

Но наткнулась на тяжелый рысий взгляд, пристальный и изучающий... и мгновенно сникла. Понуро опустилась на подлокотник кресла, стоящего в гостиной у двери в коридор, очнулась лишь от просьбы следователя:

– Паспорт предъявите, пожалуйста.

– Конечно.

Каждую вещь в своей квартире Вероника могла найти на ощупь, в темноте. Не только рабочее место, но и все, что окружает повара, должно находиться в безукоризненном порядке, чистоте. Не раз и не два клиенты, приезжающие за заказанными яствами, как будто *ненароком*, заглядывали в ее гостевую комнату. Однажды расфуфыренная дамочка в соболях попросилась в туалет и только после посещения удобств заплатила за пирожные. Ника тогда, помнится, с усмешкой вспомнила поговорку «унитаз – лицо хозяйки»; та клиентка, судя по всему, нашла сантехнику достаточно отдраенной.

Следователь, представившийся майором юстиции Махновским Анатолием Васильевичем, пролистывал странички паспорта:

– Одна здесь проживаете?

– Да. Родители здесь прописаны, но живут на даче. Переехали, когда папа вышел в запас.

Махновский покосился на большой фотопортрет, где бравый армейский подполковник стоит за спиной сидящих жены и дочери. И уточнять ничего не стал.

Сказать по правде, Вероника подозревала, что мама и папа едва дождались не только его выслуги, но и совершеннолетия единственной дочери, чтоб улизнуть на обожаемую дачу: «Все, дочь, ты уже взрослая. В добрый путь!» В город они приезжают редко, чаще Вероника к ним навещается, с ночевкой или погостить на пару-тройку дней. Обратно ее отправляют, набивая багажник дачными дарами с грядок, ближе к осени тот же багажник заполняется обернутыми в газеты банками с невероятно вкусными домашними заготовками – тяга к кулинарии передалась Нике от мамы.

– У кого еще есть ключи от вашей квартиры? – протоколно интересовался Анатолий Васильевич.

Вероника оторвала взгляд от любимых лиц на фотографии.

– Ни у кого. Только у меня и у родителей.

От кошмара не уйти, не спрятаться в мыслях о маме-папе.

Жуть какая-то. словно кинофильм в ее «куцехвостой» квартире снимают. По чистеньким полам бродят серьезные мужчины в ботинках, прошлепавших по осенним лужам. Недоверчиво и хмуро поглядывают на хозяйку... Злейшему

врагу не пожелаешь! И фильмы с криминальной основой потом смотреть не станешь.

Ника старалась не встречаться взглядом с хорошо знакомыми понятами – невозмутимой лощеной Лорхен, ее простосердечной и сочувственной домработницей Норой. Скупно отвечала на вопросы следователя, необъяснимо квадратного, похожего на человечка-лего, составленного из углов и крепких блоков. Пыталась объяснить, как получилось, что она обнаружила покойницу, предположительно, на следующий день после гибели последней.

– Я не заглядывала в кладовку. Думала, Света ушла, – мямлила, ощущая себя полновесной подозреваемой. – Вчера, когда я уезжала на работу, Светлана попросила ее спрятать. От мужа. Он ее побил.

– Да-да! – вставила свои пять копеек возмущенная Нора. – Витька вчера по двору бегал и буянил!

– Вы присутствовали при драке? – непонятно кого спросил Махновский, но так глянул на говорливую понятаую, что та предпочла прикусить губу и поймать на выходе следующий комментарий.

– Нет, – помотала головой Вероника. – Но все и так было понятно, у Светы свежий фингал под глазом распухал.

– Значит, получается... муж? – Анатолий Васильевич многозначительно поглядел на оперативника: – Ковалев. Оформить?

– Угу. Сейчас схожу за ним, – кивнул Макс. – Николаевы

на два этажа выше живут.

– Вы хотите привести его сюда?! – Вероника беспомощно оглядела свою чинную гостиную с недешевой обстановкой – светлая мебельная тройка с кожаной обивкой, бежевые портьеры, шелковистый шерстяной ковер им в тон... а Николаев вчера тапки потерял и навряд ли помыл ноги после пробежки возле мусорных бачков.

Махновский пожевал губами, махнул рукой оперативнику, и тот уточнил:

– Так сюда вести? Или сразу...

– Ты его хоть разыщи сначала. Потом будем решать «или».

– Есть. – Сосредоточенный и серьезный до неузнаваемости Ковалев вышел из комнаты, и следователь попросил Веронику «вернуться к нашим баранам».

Вернулись. На полтора часа без перерыва. Махновский, заполняя протокол, успевал переговариваться с криминалистом и медэкспертом. Последний, хотелось бы надеяться, вывел гражданку Полумятову из подозреваемых непосредственно в убийстве.

– По предварительной оценке, – сказал эксперт, – у потерпевшей закрытая черепно-мозговая. Перед самой смертью она получила хороший хук в челюсть. Пожалуй, *мастерский*. – Сухопарый пожилой мужчина в жилетке со множеством карманов выразительно глянул на худенькие руки Вероники, вряд ли способные нанести этот самый хук. Махновский поглядел туда же, покривился и кивнул, мол, понял. –

Время смерти, ориентировочно, восемнадцать тридцать вчерашнего вечера.

Вероника незаметно выдохнула. Но успокоилась она зря. Следующий вопрос следователя показал, что от по дозрений – на момент убийства Ника могла находиться на месте преступления и теперь покрывает убийцу, – гражданка Полумятова вовсе не избавлена.

– Где в это время были вы? – внимательно прищурившись, с официозной сухостью поинтересовался следователь.

– У меня на это время алиби, – твердо выговорила Вероника. И поглядела на появившегося в дверном проеме Ковалева.

Недовольный капитан коротко отчитался:

– Невменько. Если вызвать нарколога, может быть, очнется к вечеру и сможет говорить.

– Так вызывай! – раздраженно прикрикнул следователь. – Волынку не тяни, сегодня же закроем дело!

– Туда ему и дорога, – вставила неугомонная Нора. – Пьянь.

Пятидесятилетняя, изящная, как статуэтка, Лорхен приподняла подведенную бровь и тихо, но язвительно, поинтересовалась у домработницы:

– И кто теперь твою стиральную машину чинить будет?

Нора громко фыркнула, сложила руки на фартуке и отвернулась к лысым тополям за расшторенным окном. Следователь Махновский шикнул на понятых: «Попрошу без раз-

говоров! Отвлекаете». В гостиную вошли два новых персонажа: высокий элегантный молодой мужчина с папкой под мышкой и юный, почти мальчишка, ушастый паренек, разглядывающий присутствующее собрание так, словно попал в музей. Исторический, где за стеклом стоит семья неандертальцев с каменными топорами.

Элегантный держал в руках удостоверение, которое уже, видимо, предъявлял на входе в квартиру, ставшую местом преступления. Верно угадав среди присутствующих старшего, он показал Махновскому красную корочку, представился для прочих:

– Капитан Окунев. МУР, – мотнул затылком на ушастого: – Стажер Давыдов. Могу поинтересоваться, что здесь произошло?

– Мне б тоже хотелось это знать, – буркнул следователь и представился в свою очередь: – Майор юстиции Махновский Анатолий Васильевич. Какими судьбами, Игорь Станиславович?

– Да вот...

Окунев подошел к столу, потянулся к паспорту Вероники.

– Можно? – спросил у старшего.

Следователь кивнул – валяй.

– Мне нужна... – листая паспорт, пробормотал муровец, – Вероника Полумятова. Двадцати шести лет... – перевел взгляд на девушку, сидевшую в кресле, и на лице его мелькнуло удивление.

Полумятова мгновенно поняла, с чем связано недоумение: у нее до сих пор спрашивали в магазинах паспорт при покупке спиртного, даже если это банка пива. На двадцать шесть лет она никак не тянет.

– Так, так... – зацокал Окунев.

– Что «так, так»? – непонятно отчего окрысился Махновский. – У нас «так-так» убийство, уважаемый.

– Я уже понял. А у нас, Анатолий Васильевич, кража. Очень весомая. Вероника Дмитриевна – свидетель.

– Я?! – Ника подскочила, потом села обратно и пробормотала: – Какая кража? Я ж ни о чем не заявляла!

– О чем не заявляли? – в один голос заинтересовались Махновский и Окунев.

– О краже. То есть я так думала, что меня обворовали, и только собиралась позвонить в полицию... Но позже передумала...

С трудом сосредотачиваясь, хмурясь, Вероника рассказала о вчерашних происшествиях. Заказе на кейтеринг, оказавшемся фикцией, выпотрошенной сумке, чуть более воодушевленно сообщила, что в поселке ее видели жильцы сорок второго дома, где она разыскивала мифическую Антонину Николаевну. Рыжий мальчик и его мама.

По мере продвижения повествования Махновский с Окуневым мрачнели прямо на глазах. Следовательно, собиравшийся по горячим следам раскрыть убийство Светланы Николаевой, печенкой чувствовал – не так все просто. Окунев, при-

ехавший допросить свидетельницу некой о-о-очень крупной кражи, наткнулся на расследование смертоубийства, произошедшего по адресу свидетеля.

С последним, кстати, Веронике было все более или менее понятно. Тут она полностью поддерживала Нору – допрыгался сантехник. Но что касается расследования МУРа... Куда еще-то она влипла?! Или ее вlepили не по-детски.

– Что за кража, вы мне можете сказать?! – завершив рассказ, воскликнула Вероника.

– Вы вчера были у Сальниковых, так? – сказал муровец.

– Ну. Работала. На выезде.

– Вчера там была совершена крупная кража...

– Но это не я! – сидящая в кресле Ника подпрыгнула, приложила ладони к пищеводу, еще чуть-чуть – и разрыдается.

– Мы верим, знаем, что не вы, – мягко, успокаивающе произнес Окунев. Размеренно продолжил: – Вы уехали от Сальниковых в половине третьего. А потому вы просто физически не могли этого сделать. Меня интересует другое: что вы видели до отъезда. Может быть, заметили что-то необычное, что-то привлекло ваш взгляд...

Уважительные, деликатные манеры муровца разительно отличались от приемов местного следователя, так давившего немаленькой «квадратной» массой на свидетельницу, что Ника постоянно чувствовала себя многократно виноватой и отвечала практически односложно. Связанная речь давалась ей с трудом.

Сейчас, вспоминая по просьбе Окунева вчерашний кейтеринг, она легко подбирала нужные слова и всей душой старалась быть полезной. Правда, получив которую по счету шокирующую новость, она с трудом смогла припомнить имя девочки, на празднование двенадцатилетия которой ее пригласили Сальниковы. Хотя три дня назад вычерчивала цветной мастикой имя «Катарина» на многоярусном бисквитном торте.

– Как видите, я мало что могу сообщить, – загрустила в итоге. – Непосредственно в доме я практически не побывала.

– Мы знаем, знаем, – бархатно подтвердил Окунев. – Там две кухни – одна рабочая, для прислуги, вторую называют «хозяйской».

– Да. Сальникова иногда любит приготовить сама что-то эдакое...

– И это нам известно. Вы были только на рабочей кухне и веранде, где занимались детьми.

– Угу. Из кухонь есть прямой выход на веранду, так что через дом я не ходила. У Сальниковых пробыла... два с половиной, три часа. Убрала за собой. Поехала домой. Когда поднималась к квартире, мне кто-то позвонил и сделал тот самый фиктивный заказ.

– В точности повторивший сделанный ранее Сальниковыми? – попросил еще раз подтвердить муровец.

– Да, в точности – «Итонский беспорядок». Я быстро собралась, пропустила к себе Свету, заперла ее и уехала.

Остальное, что было в поселке, вы уже знаете.

Окунев откинулся на спинку дивана, закинул ногу на ногу, демонстрируя отличные щегольские ботинки, и перевел взгляд на следователя:

– Интересно получается, да?

Махновский, видимо не нашедший в «кондитерской» истории и крошки интересного, мрачно насупился. В комнате повисло тягучее молчание, задумчивые коллеги перебрасывались разнастроенными взглядами, возникшее напряжение попытался разрядить капитан Максим:

– А вы ее погадать попросите, – хмыкнул. – Все-все расскажет. И пофилософствует попутно.

– Погадать? – уцепился за шутку Окунев и оглянулся на стушевавшегося практиканта, пристроившегося рядом с понятыми. – Ну надо же, Сережа... Как по твоему заказу: дельфийская пифия в помощь следствию. У нас, знаете ли, господа, по дороге интереснейшая дискуссия завязалась...

– Ковалев! – внезапно рыкнул следователь. – Чего застыл, уши развесил? Нарколога уже нашел?! – То ли приехавший антипод, Игорь свет Станиславович, непомерно раздражал Махновского, то ли взбесил факт вероятного развала налаженного было расследования, но сорвался он на подчиненном.

Макс дернул уголком губ, выдержал пудовую паузу и поинтересовался:

– А он еще нужен? Нарколог или Николаев?

– Брысь! Исполнять!

Ковалев приложил ладонь к несуществующей фуражке, развернулся на каблуках и вышел. Из подчиненных в комнате остался только застыдившийся стажер Сережа с совершенно пунцовыми ушами; исподволь, но заинтересованно косящийся на «пифию». Дамы-понятые к подчиненным не имели отношения, но слушали не менее внимательно, заинтригованно.

Окунев оглядел мизансцену, сбил щелчком пальца невидимую пылинку с колена. Потом расплел ноги, сел прямо и перевел взор на свидетельницу:

– А скажите-ка, пожалуйста, Вероника Дмитриевна, кто из obsługi или гостей заходил к вам на рабочую кухню? Меня интересует время, когда вы уже закончили свое представление, а не когда готовились к нему.

– Кто заходил? – Кулинар задумалась. – Домашний повар, Ангелина Яновна. Я навела порядок на рабочем месте, переоделась, Ангелина Яновна пришла принять парад... Еще приглашенные официанты заходили, за шампанским, оно стояло в рабочем холодильнике... Ой! Вру. Официантов я видела до анимации. Когда закончила, они уже не появлялись, начали опустошать другие винные хранилища.

– Вы хорошо это помните? Никто-никто из них не заходил на кухню?

– Да, точно помню, потому что я тогда подумала: пока никого нет, можно быстро поменять рабочую куртку и блузку

на уличные. Но потом все-таки прошла в санузел возле кухни и переоделась там.

– Сумка с вашими вещами в тот момент оставалась в кухне?

– Да. Я переоделась, вернулась, как раз пришла Ангелина Яновна, и мы попрощались.

– Жаль-жаль-жаль, – пробормотал муровский майор, надул щеки и поглядел на местного следователя, уточняя: – Жаль, что Вероника Дмитриевна никого не видела. Эксперт уже осматривал входной замок?

– Да, внешних повреждений нет, – невнимательно сказал Махновский, прислушивающийся к шуму, доносившемуся из открытой на площадку двери.

В подъезде раздавались скандальные женские вопли, довольно скоро причина переполоха появилась в комнате: мотающийся, как ковыль на ветру, сантехник Николаев. В дражных тапках и с закрытыми глазами. Соседа держал за шкуру Ковалев, которого хватала за рукав мамаша Виктора, Зинаида. Устав справляться с ними обоими, – Николаев никак не хотел стоять прямо, рвался прилечь под ноги оперативника, Зинаида никак не отцеплялась, – капитан швырнул Витьку на диван, откуда тот едва не сполз. Но его вовремя поймал у пола стажер. Переместил перпендикулярно и для верности подсунул под сантехнический локоть диванную подушку.

«Надо будет наволочку постирать», – машинально взгрустнула Вероника.

В гостиной бушевала тетя Зина.

– За что?! – вопила, потряхивая сухонькими кулачками. Растрепанная, в ситцевом халате из магазина экономкласса. Бесцветные и блеклые глаза перебрасывали взгляд с одного мужчины на другого, тетя Зина пыталась вычислить здесь командира – кому конкретные претензии бросать? – Мой сын всю ночь дрых! Как пришел...

– Когда пришел? – перебил вопли следователь.

– Дак это... – внезапно успокоившись, задумалась мамаша. – Когда по НТВ «ДНК» началось. Его Мишка привел, – поглядела на Ковалева, – дружок из первого подъезда.

– А «ДНК» у нас... – начал Махновский.

– В половине пятого, – дoloжила тетя Зина. Поглядела на молчавшую Веронику и, внезапно выставив на нее указательный палец, прошипела: – Все ты, шалава! Ты! Приваживала Светку, да?! – и плюнула: – Чтоб тебе пусто было, сволочь!

Вероника возмущенно распахнула глаза. Собралась сказать, что не приваживала, а прятала от ее сына-драчуна, из жалости! А в целом они со Светой даже не притествовали, на чаи да сахара друг к другу не ходили. Но не успела, так как взревел майор юстиции Махновский:

– Тихо всем! Ковалев, обеспечить порядок!

Максим протянул руку к Зинаиде, та увернулась, не собираясь оставлять сыночка в лапах бестрепетного закона, и взвизгнула:

– За что хватаете трудящегося человека?! Он выпить, что ли, не имеет права в выходной?! Я вас...

– Зинаида, – в гостиной зазвучал невозмутимый голос Лорхен, – выйди.

Матушка сантехника, вероятно в пылу ссоры не заметившая Лору, развернулась, мотнув подолом застиранного халата. И застыла, жуя губы и втыкаясь ненавидящим взглядом в льдисто-серые глаза напротив. Скорее всего, подбирала ругательства.

«Какой разительный контраст», – подумала Вероника. Ровесницы, но Зинаида выглядит на пять лет старше, Лорхен на десяток лет моложе. С появлением сантехнической матушки в комнате запахло подгоревшими котлетами, а до того витал деликатный тонкий аромат туалетной воды Лорхен, облагораживавший атмосферу комнаты, с избытком переполненной прокуренными мужиками.

Зинаида, одернув полы халата, обвела негодующим взглядом точеную фигуру Лорхен, облитую струями шелковистого домашнего костюма – нежно-голубого, поблескивающего. Горделиво вскинула подбородок и промаршировала к выходу. Ей вслед икнул вновь засыпающий сынок.

– Спасибо, – неожиданно поблагодарил Окунев. Обменялся с Лорхен понимающими взглядами хорошо воспитанных людей и обратился к следователю: – Анатолий Васильевич, может быть, освободимся от присутствия и... м-м... гражданина?

Махновский согласился, что сантехник в растянутых трениках и майке-«алкоголичке» антураж и микроклимат отнюдь не оживляет, и приказал Максиму:

– Сопроводи.

– Куда? К *нам* или наверх? К маме.

– К маме, – расстроено постановил майор. – А потом сходи к этому... дружку из первого подъезда. Опроси.

Капитан Ковалев шагнул к подозреваемому:

– Ну что, друг ситный. Пошли домой. Попросишь мамку свечку за здоровье органов поставить.

– Лучше поллитру, – невнятно просипел сантехник и, презрев протянутую руку «органов», самостоятельно поднялся на ноги. Тут же качнулся на стажера, но и этот представитель органов не оплошал, подставил колыхающемуся Витьке крепкое плечо.

– Итак, Анатолий Васильевич, мы остановились на замке входной двери, – сказав это и не дожидаясь отклика, солировавший заезжий муровец поглядел на хозяйку квартиры: – Нам, Вероника, увы, придется изъять ваш замок для более детального исследования.

Из угла, где стояла скрестившая руки Нора, донеслось сочувственное:

– А Витька, наш сантехник-слесарь, в дупель. Кто ж ей новый замок-то поставит?!

– У меня их два, – чуть слышно произнесла Вероника и потупилась, покрутила пальцами пуговку на клетчатой ру-

башке с короткими рукавами. – Вы ведь снимете нижний, на который я обычно дверь запираю? Но есть еще верхний, английский, я им почти не пользуюсь. Так что берите, если это поможет Витьку оправдать. Я, кстати, тут подумала: мужу Светлана дверь не открыла бы, а если бы он стал замок вскрывать, то заперлась бы на железную щеколду.

– То есть в виновность Николаева вы уже не верите?

– Сомневаюсь, – уклонилась Ника.

Окунев поднялся из кресла. Достал из кармана две визитки, одну из которых положил на журнальный столик:

– Вероника, позвоните мне, пожалуйста, если что-то вспомните. Мы еще с вами встретимся. – Вторую визитку протянул Махновскому: – Анатолий Васильевич, не буду вам мешать, откланиваюсь. Будем на связи?

С видом «а куда ж я денусь» майор засунул картонный прямоугольник между бумагами. Молча кивнул.

– Удачи, – пожелал муровец. Прихватил ничем, кроме крепкого плеча, не проявившего себя стажера и покинул место действия.

Местные слуги закона задержались тоже ненадолго. Махновский попросил понятых подписать протокол, наконец, приехала машина, забравшая тело Светы. Когда по прихожей понесли тяжелый черный пакет, Нора, как и Лорхен, оставшаяся оказать моральную поддержку Веронике, громко и судорожно всхлипнула.

Чужие все ушли. И некоторое время в гостиной стояла за-

мороженная тишина, показавшаяся даже непривычной. Потом Лорхен шагнула к Веронике, крепко обняла ее и, поглаживая по вибрирующей спине, шепнула готовой заплакать девушке:

– Тихо, тихо, душа моя! Все закончилось, сейчас ты пойдешь к нам и пообедаеть, Нора приготовила долму...

Упомянутая домработница подошла сзади и сочувственно добавила:

– А после я тебе помогу здесь прибраться. Натоптали ж, черти! Ты б хоть ковер перед ними скатала, что ли. Выбивай его теперь.

– Химчистку закажу, – пробормотала Вероника. – Спасибо, девочки. Но можно я вас попрошу... ни слова обо всем *этом*, ладно? Я больше не выдержу. Правда.

Лорхен оплела пальцами плечи Ники, отстранила ее от себя и вгляделась в бледное девичье лицо с трясущимися губами.

– Конечно. Ни гугу. Правда, Нора? Нашей Ничке надо отвлечься.

Если в подростковые годы Вероника принималась мечтать о *женском счастье*, то неясные образы некоего, в общем привлекательного, мужчины и парочки очаровательных детишек – резвого мальчугана и малышки с задорными хвостиками из волос – зачастую мелькали на фоне кремово-бежевых стен, шелковых портьер и светлой мебели без лишних

«антикварных» завитушек. Райская женская доля легко вообразилась Никой в интерьерах тети Лоры.

Едва у фрилансера-кондитера Полумятовой появилась возможность косметически подремонтировать квартиру и обставить ее в своем вкусе, то, очень постаравшись отчаянно не обезьянничать, она превратила свое жилище в «филиал семьдесят шестой квартиры», как пошутила мама. Исключение сделалось только для кухни – Лорхен не любила *стерильный* белый цвет, а Вероника как раз и добивалась подобного эффекта: кухня, где готовятся яства по заказам, должна производить впечатление образцовой операционной.

За Лорхен Ника, разумеется, угнаться не старалась. Мошна не позволяла. У Лорхен было три весьма небедных мужа, с которыми она последовательно разводилась. И удачливый сын Алексей (Алекс), отъехавший в Швейцарию, где продолжил обучение банковскому делу, встретил «любовь всей своей жизни» Амели – из семьи потомственных банкиров, на минуточку! – женился и остался в заграницах. Женился, правда, не так быстро. Вначале семья приняла в штыки российского бойфренда Амели. Но позже...

«Позже», как подозревала Вероника, было связано с появлением в швейцарских Альпах бесподобной мамы потенциального жениха. Лорхен способна обаять не то что банковского воротилу-папу, но и маму, бабушку, всех троюродных родственников и каждого домашнего питомца, включая попугая и хищных рыбок, сквозь стекло аквариума.

Пристроила сына в хорошие руки, что называется, и продолжила «неспешный пеньюарный образ жизни», как сама пошучивала.

Ни одного дня, кстати, не проработав. Призвание, считай, работа Лорхен – быть просто женщиной. Обворожительной, беспечной, неземной. Если бы она заявила какому-то из мужей, что собралась повкалывать даже не на чужого, а на родного дядю, то супруг, скорее всего, вызвал бы к ней психолога или моментально пристроил в клинику неврозов. Проверил, что с женой не так.

Если говорить о кумушках-соседках, никто из них не понимал, как Лорхен отказалась от Рублевки и вернулась в свою старую квартиру. В пятиэтажный дореволюционный дом, похожий формой на скамейку с крохотными ножками. Чего ей не хватало? Симпатичный бородатый муж, слегка похожий на последнего российского императора, прислуга, бассейн с оранжереей, денег – хоть стены особняка ими обклеивай...

Кумушкам Лора, разумеется, ничего не объяснила, перед подругой детства, мамой Вероники, скупно отчиталась: «Он начал меня слишком утомлять. Любовь прошла».

Все.

Как вечный раздражитель, шикарная ухоженная Лорхен показывалась во дворе перед сидящими на лавочках тетушками, и тут надо добавить, что каждая из них отлично знала, как досадить элегантной даме. «Добрый день, Лариса Пет-

ровна», – елейно здоровался кто-то из соседок.

Лорхен стискивала челюсти, усаживалась за руль «Вольво С70» и выезжала из двора, как ведьма в ступе. Свое имя-отчество она ненавидела до зубовного скрежета! Просила называть ее Лорой, маме Вероники позволялась «Лорхен». Чуть позже эта честь по наследству досталась Веронике, с просьбой изъять из обращения «тетю».

А вот от верной домработницы терпелось даже «Лорка, твою мать! Опять забыла, что я кашу тебе сварила?! Сама ж просила, а теперь все скисло. Хотя бы в холодильник убрала...» Когда-то Нора была школьной пионервожатой Лорхен. Через годы, в середине девяностых, они случайно встретились на улице, когда последняя была благополучно замужем за первым мужем и только-только сына родила...

Нора, по ее словам, в то время подыхала с голоду. Стояла у метро и торговала всем, что еще осталось вынести из дома, и сигаретами поштучно. Припомаженную даму в норке замерзшая вдрызг бывшая пионервожатая узнала не сразу, когда та с ней заговорила, неожиданно заплакала, размазывая заледеневшими варежками слезы по обветренным щекам...

Добрая Лорхен, в свою очередь, уверяла, что это Нору ей Господь послал. На следующий день у ее сына появилась не няня, а мечта! За более чем четверть века пионерка и вожатая стали ближе кровных родственников. Нора, что совсем не удивительно, стала крестной мамой Алексея.

В середине нулевых пионервожатая, правда, ненадолго

сбегала замуж. Но быстро разочаровалась и порадовалась, что продолжала Лоре помогать уже на Рублево-Успенском шоссе. Хотя было б очень странно, если бы Лорхен не приняла обратно свою верную подругу – любого мажордома заставила б подвинуться! Даже рублево-успенский муж называл Нору «наш верный Санчо Панса».

К слову стоит отметить, что внешне Нора – полная противоположность опереточному низкорослому крестьянину. Нике, например, она отчаянно напоминала черепаху. С круглой лобастой головой на тонкой шее, круглыми глазами и недоразвитым скошенным подбородком. Губы тонкие, верхняя чуть выступает вперед, нависает над нижней и делает рот похожим на черепаший клюв. Иногда Вероника думала: «Может, подарить ей черепашку?.. Наверное, они друг другу понравятся». Но так и не подарила, застеснялась.

Когда-то на площадке третьего этажа было четыре квартиры, потом Лорхен выкупила соседнюю и объединила со своей. Нора энергично руководила *небольшим* хозяйством вместительных четырехкомнатных апартаментов Лоры. Следила за порядком и устраивала перманентные разборки с кумушками-аспидами, что досаждали ее бесподобной, единственной в своем роде Лорочке.

В том, что Лорхен уникальна и ангельски прекрасна, Ника была полностью согласна. Как та сегодня согласилась быть понятой, положив руку на сердце, никак не понимала. Лора и полиция? Две несоприкасающиеся вселенные. Объяснить ее

безусловно решительный поступок можно только тем, что, узнав о трагедии, Лорхен отправилась оказывать моральную поддержку, держать тонкие пальцы на пульсе расследования. И с Зинаидой, надо признать, справилась гораздо лучше полицейских. Движением брови и парой слов выставила вон главную дворовую скандалистку. Сейчас, с безошибочностью камертона чувствуя верную ноту, вела застольную беседу, чтобы позволить Веронике расстаться с тягостными мыслями:

– Как думаешь, Ничка, может, навестим Машеньку и Диму? Я давно твою маму не видела, она совсем выросла в свои бесконечные грядки...

– Угу, угу, – поддержала тему домработница, шустро работая ложкой, доедая борщ. – Съездите, съездите, чего дома торчать.

– Когда ты им звонила? – поинтересовалась Лорхен. Вероника заставила себя сосредоточиться.

– Вчера. Когда с анимации от Сальниковых ехала.

– У Машеньки и Димы все хорошо?

– Да. Как обычно, – внезапно улыбнулась, – мама отправила мне фото тыквы-рекордсменки, сама на ее фоне. Поехать, что ли, вправду? Завтра, в понедельник, у меня анимация в детском садике, после двух я свободна до вечера среды...

Нора отодвинула опустевшую тарелку и удовлетворенно выдохнула:

– Эх! – громко.

Лорхен с Вероникой поглядели на нее, обе предположили, что «эх» связано с похвалой самой себе за борщ. Но домработница продолжила неожиданно: — А какой мужик-то был, девчонки... Конфетка! Марципан.

Первоначально у собеседниц Нору не получилось ни к чему, точнее, ни к кому привязать ее последнее высказывание. Но, впрочем, марципановая аттестация довольно быстро пристегнулась к капитану Окуневу. Так как других «эх-мужиков» в последнее время на их общем горизонте не мелькало.

Поглядев на мечтательную Нору, уставившую слепой взгляд на аппетитный натюрморт на стене, Лорхен опустила лицо к столу. Пытаясь спрятать улыбку, начала покусывать губы, исподлобья глянула на Веронику... Та пучила глаза, так как их выбивал из глазниц рвущийся из горла хохот. Ранее любой мужчина получал от Нору максимум «ничего себе, приличный», чаще «дурак, но деньги водятся». И все это относилось к окружению Лорхен, поскольку на своей личной жизни Нора выставила жирный крест: «Да ну их. Только нервы треплют».

Заметив странную реакцию *девчонок*, Нора бросила:
— Чего?

И тут они расхохотались, причем все. Поскольку Нора тоже подцепила бациллу смеха, вначале прыснула тихонько: «А чё? Вполне себе съедобный», потом загоготала наравне с Никой и Лорхен.

Смеялись так, что заболели животы. Наверное, в этом хохоте была капля истеричности, они перенервничали и слишком долго сдерживались, теперь выплескивали накопившееся. Нора пыталась навязать подругам обсуждение красавца-муровца, но Лорхен только отмахивалась: «Умоляю, хватит! *Конфетный* капитан, ой не могу...»

Но Нора только добавляла жару:

– Мне, пожалуйста, полкило *этого* завесьте...

– И мне на вынос граммов семьсот упакуйте! – поддержала ее хозяйка, и Вероника чуть не рухнула под стол.

Угломниться получилось не быстро, лишь когда Нора, не любившая долму, но изумительно ее готовившая, культурно предложила чаю.

Дивно порозовевшая Лорхен отпила глоток, не отрывая чашку от губ, поглядела на Веронику:

– Может быть, сегодня заночуешь у меня? – слегка качнула чашечкой в сторону гостевой спальни.

Вернувшаяся с хохочущих небес на землю, Ника снова загрустила, помотала наклоненной головой:

– Спасибо, нет.

– И не страшно?! – чистосердечно охнула Нора.

Девушка подняла голову и повела плечом:

– А чего бояться? Думаю, мне ничего не угрожает. Хотели бы напасть, сделали это еще в поселке. Но меня, кажется, специально туда выманили и задержали – колесо проткнули, выбросили вещи из машины, чтоб я дольше провозилась...

– А зачем? – резонно поинтересовалась Лорхен. – Зачем к тебе домой кто-то пришел?

– Понятия не имею.

– Может быть, преступник решил, что ты украла драгоценности Сальниковых?

– В это даже полиция не верит! – фыркнула Вероника, резковато отодвинула от себя чашку – реплику севрского фарфора, – нетронутый чай расплескался, и Нора тут же промокнула лужицу салфеткой. – Простите.

– Но ведь кто-то же к тебе пришел. Зачем-то.

– А если не ко мне? Если причина в Свете? У меня ничего не искали, все вещи на своих местах.

– Пожалуй, – согласилась Лорхен. – Если бы искали драгоценности – что еще могли украсть у ювелиров? – то переворовошили бы всю квартиру. А у тебя, действительно, порядок. И полицейские достаточно в твоём белье покопались. Неторопливо. Но надо помнить, что тебя выманили из дома *до того*, как пришла Светлана. Причина не в ней, Ничка, не становись страусом.

– Ты нарочно, что ль, ее пугаешь?! – возмутилась Нора. – Она ж не хочет об этом думать! Пусть полиция разбирается.

– Да. Они разберутся, – в тоне Лорхен прозвучала доля здорового скептицизма.

– А мне показалось, что Окунев толковый специалист, – не согласилась Вероника. – Если бы мне угрожала опасность, он... – Взгляд Лорхен сделался более отчетливо язвитель-

ным, и Ника не договорила. Положила ладони на стол, тихонько ими хлопнула. – Все, девочки. Завязываем. Иначе меня вырвет. Честно.

Нику и вправду начинало подташнивать от этих разговоров. Едва ее мысли устремлялись к недавним кошмарным происшествиям, внутренности тут же заплетались ледяным узлом. Желудок с содержимым устремлялся к горлу.

Дотянувшись до чашки с чаем, Вероника сделала несколько судорожных глотков...

Немного полегчало. Вроде бы.

– И вправду, – сжалилась Лорхен. – Что это я?.. Наверное, слишком много дамских детективов читаю на ночь.

– Вот-вот, – вставила Нора. За ее словами, Нике показалось, промелькнул намек: все от безделья, душенька, все от безделья. Начитаешься на сон грядущий кошмарной чепухи, а постирала б ночью занавески или полы помыла, всю детективную дурь – метлой из головы! – Пойдем-ка, Ничка, наводить порядок у тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.